

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АБСУРД КАК АЛОГИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СУБСТАНЦИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЭНИГМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

© Н.Г.Титова

Статья посвящена проблеме определения феномена абсурда, выявления его характерных особенностей и областей проявления. В статье также рассматриваются языковые механизмы, порождающие лингвистический абсурд в текстах русских и английских загадок.

Ключевые слова: абсурд, лингвистический абсурд, загадка, парадокс, окказиональные конструкции.

Культура XX века характеризуется тотальностью проявления абсурда, обнаруживающего себя в литературе, философии, науке, искусстве, языке. В постоянный культурно-философский и литературоведческий словарь слово абсурд внедрилось не только под влиянием экзистенциальной философии, но и благодаря театру абсурда, заявившему о себе в начале 1950-х годов, основателями которого стали Эжен Ионеско и Самуэль Беккет.

О.Буренина, выделяя три основных области обитания абсурда, делает следующие умозаключения: в философской мысли абсурд выступает в качестве антипода понятия разум и крайней формой экзистенциального переживания; в искусстве и литературе – в качестве антипода рационального, а в языке – как нарушение коммуникативных постулатов. "Всемирная энциклопедия: Философия XX век" дает следующую трактовку термина "абсурд" – (лат. *ad absurdum* – исходящий от глухого) – "термин интеллектуальной традиции, обозначающий нелепость, бессмысленность феномена или явления" [1: 7]. В традиционной логике "доведение до абсурда" предполагает доказательство внутренней противоречивости утверждения. В повседневной жизни понятием "абсурд" принято обозначать утрату субъектом действия его смысла. При условии недостаточности инструментария и информации для адекватной оценки ситуации и принятия сбалансированного решения как "абсурдную" оценивают саму ситуацию. Иными словами, абсурд означает то, что не приемлемо для разума и здравого смысла.

Вопрос об абсурде как о лингвистическом явлении не мог возникнуть спонтанно. Отдельные публикации, посвященные рассмотрению его в качестве антонима понятий "семантика", "смысл", "значение", стали появляться, начиная с 60-70 годов XX века. Е.С.Кондюкова, изучая феномен абсурда, выявила семантический ряд значений данного понятия:

1. Абсурд как расхождение, раскол;
2. Абсурд как явное нарушение закона логики – алогизм;
3. Абсурд как нарушение закона достаточного основания при потере смысловых звеньев в рассуждении;
4. Абсурд как хаос, беспорядок, неразбериха;
5. Абсурд как иррациональное, лежащее за пределами разумного основания чего-либо;
6. Абсурд как бессмысленное;
7. Абсурд как ненормальное;
8. Абсурд как странность и противоестественность;
9. Абсурд как парадокс (резкое расхождение с концепцией, идеей, мышлением).

Все девять смысловых значений данного понятия находят употребление в бытовых, обыденных ситуациях. В словесном творчестве, в тексте, актуализируются 2, 3, 6, 8 и 9 значения определения "абсурд".

Вопрос об абсурде традиционно возникает при анализе проблемы создания и восприятия человеком речи и текста. Логический закон противоречия говорит о недопустимости одновременного утверждения и отрицания в высказывании. Абсурдное высказывание представляет собой прямое нарушение этого закона. В основе порождения смысла всегда лежит система определенных правил его построения. Таким образом, любое нарушение правил является нарушением логики. Абсурд обычно отождествляется с противоречием, которое можно обнаружить в структуре смысла. Как правило, все нарушения в речи проявляются как алогичность, иными словами, как нарушение формальной и естественной логики.

О.В.Кравченко относит к лингвистическому абсурду "ненормативные, не предполагающие особой знаковой конвенции и не соответствующие реальной дискурсивной ситуации языковые конструкции, состоящие из значимых единиц и

семантически противоречащие сложившейся языковой картине мира" [2: 66]. В.Ю.Новикова предложила ввести в лингвистический понятийный аппарат дефиницию "абсурд", обозначив ее как "алогичную языковую субстанцию, которую составляют единицы различных уровней языка, аномальные по отношению к языковой норме" [3: 15], т.е., другими словами, аномальные по отношению к наиболее устойчивым традиционным реализациям языковой системы, отобранным и закрепленным в процессе коммуникации. По определению А.С.Кравец, "абсурд эквивалентен внесению хаоса в выражение. ... его можно интерпретировать как наличие сбоев, несогласованностей между компонентами смысла, нарушений лингвистических и коммуникативных правил его образования" [4: 135].

Необходимо отметить тот факт, что "в процессе восприятия и понимания текста, в столкновении конструкций аномального содержания с существующими в сознании реципиента представлениями, формируемыми языковой картиной мира, создается яркий смысловой контраст" [2: 59]. Аномалия языка, как и других социальных, культурных, семиотических системах, всегда связана с наличием некоего стандарта, естественного или чаще выработанного в социальной или интеллектуальной практике людей, то есть с понятием нормы. Норма представляется универсальной категорией, регулирующей меру порядка в хаосе. Зачастую норму обнаружить становится возможным лишь благодаря фиксации неких отклонений, девиаций. По мнению Арутюновой, "в естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило" [5: 7]. Таким образом, именно аномалия выступает в качестве маркированного коррелята нормы.

Языковая аномалия разных типов рассматривалась такими лингвистами, как Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, Т.В.Булыгина, И.М.Кобозева, Т.Б.Радбиль и др. В 1990 году вышел сборник научных статей "Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста" под редакцией Н.Д.Арутюновой, посвященный проблемам противоречивости, аномальности и различным видам семантического несоответствия, допустимым и недопустимым в разных видах дискурса – обиходного и художественного. В центре внимания авторов статей – условия, создающие текстовые аномалии и способы их интерпретации. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, под понятием "аномальности" текста можно рассматривать разного рода явления, такие, как логическая контрадиктарность, несовместимость семантических компонентов, разлад между комму-

никативными целями говорящего и смыслом и т.п. Ю.Д.Апресян определяет термин "аномалия" как "нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы" [6: 50], что в свою очередь ведет к возникновению лингвистического абсурда в тексте.

В том же ключе возникновение аномальных ситуаций рассматривалось в работе И.М.Кобозевой, которая, вводя понятие "показатели аномалий", определила их как "наиболее заметные и легко обнаруживаемые характеристики аномалий", которые "...выступают на уровне поверхностной структуры в виде разнообразных лексических и грамматических нарушений: ошибок в употреблении видов, неправильного построения сочинительных конструкций, искажений модели управления, нарушений всех видов сочетаемости лексем" [7: 196].

Мы же считаем, что не все аномалии, возникающие в языке, приводят к порождению лингвистического абсурда, а только те девиации языка, которые негативно влияют на смыслообразование. Исследование данного феномена неизбежно заставляет обратиться к народной культуре, к живым, гласным памятникам народного ума и свободной фантазии, что насквозь пропитаны абсурдом, а именно к сказкам, пословицам, поговоркам и загадкам, так как именно они отличаются тем "озорством" мысли, которая не боится двусмысленностей.

Следует различать формальные аномалии, то есть те, что сами по себе не ведут к искажениям смысла языковой единицы, к ним можно отнести отклонения в фонетической реализации, в морфемной структуре, в морфологической форме (колебания в роде, числе и падеже). Например: *"Нет такого мудреца, / Как Ивана хитреца; / Сел на конь / И поехал в огонь" – (горшок)¹*. Наличие несогласованность в падеже: "сел на (кого?) коня", что тем самым не лишает выражение смысла, а, наоборот, придает загадке большую выразительность, так как соблюдены рифма и ритм: "мудреца/хитреца, конь/огонь". *"Three old lady was going along. They was deaf, dumb, and blind, and still they was righteous" – (hymn book, prayer book and Bible)²*. Сказуемое, выраженное глаголом, не согласуется с подлежащим в лице и числе: "three old ladies were going; they were". Данного рода нарушение не участвует в актуализации семантического потенциала языка в его синхронном функционировании, поэтому не является предметом настоящего исследования.

¹ Здесь и далее цитирую по [8].

² Здесь и далее цитирую по [9].

Именно семантические преобразования, которые происходят в дискурсе, и порождают лингвистический абсурд. Следует отметить, что основным и первостепенным критерием любого осмысленного выражения является смысловая нагруженность его составных частей. Даже если выражение по своему синтаксическому строю напоминает предложение, отсутствие у его составляющих элементов семантики лишает выражение всякого смысла: *"Брындя! Не лази в пенду: / В пенде – канда про хонда"*. Из данного иносказательного выражения понятно, что кто-то (кто в загадке не указан), предостерегая кого-то, просит не ходить куда-то, так как там находится другой кто-то. Эта шутивная загадка переиначивает слова близко к древним обозначениям, принятым в домашних условных языках. А значение данной загадки следующее: *"Кошка! Не ходи в печку: в печке – каша про гостя"*. Также сюда можно отнести "словотворческие" конструкции, возникающие посредством преобразования словообразовательной структуры, то есть окказиональные и/или потенциальные образования новых слов на базе существующих в системе языка производящих единиц: *"Four little landers, / Four stick standers, / Two rappers, / Two lookers, / Two crookers, / And a Wagabout" – (cow); "Четыре ходаста, / Два бодаста, / Седьмой хлебестун" – (корова)*.

Если говорить об осмысленности слов в предложении, необходимо отметить тот факт, что речь идет об общеупотребительном смысле лексем, существующих в лексиконе нации. Специально сконструированные слова, которые не вписываются в общепринятую систему языка, безусловно, разрушают смысл высказывания, даже если автор вкладывал в них какой-то смысл.

Словотворчество в загадках выступает как один из возможных способов языкового освоения мира. Как в русской, так и в английской "загадочной" традиции немало загадок, в основе которых лежит окказиональное словотворчество как своеобразный вид номинации объекта, который совмещает в себе элементы кодирования и подсказки: *"Выйду я на выходку, / Маню я малыхотку, / Бежит ко мне куфточка" (цыпленок)*. *Малыхотка* – от слова маленький, *Куфточка* – от слова куфта, в восточных говорах – это сверточек кудели, на севере – моток тесемок. Есть еще одно значение – моток серебра, золота, шелка. Подходят все значения, *цыпленок* – куфточка желт, как золото, кругл, как моток тесемок, и пушист, как кудель.

"I went across London Bridge, / I met a heap of people; / Some were wix, / Some were wax, / Some

were the color of chewing terbacker" (swarm of bees); terbacker – производное от tobacco.

"Old Mother Thatchell / Had a long tail. / Every stitch she took, / She lost a bit of her tail" (needle and thread). Данная загадка является примером того, как ответ может быть зашифрован в самом тексте загадки. *Thatchell* – производное от существительного *thread* – нитка.

Итак, одним из критериев, приводящих к возникновению лингвистического абсурда в тексте загадки, можно считать наличие семантических сбоев в смысле, что выражается посредством так называемого "словотворчества": семантически ненагруженными, окказиональными и потенциальными конструкциями.

Не менее важным критерием возникновения такого феномена, как лингвистический абсурд в энигматическом тексте является парадоксальность, которая может быть выражена посредством разного рода логических сбоев, трансформаций, а также противоречий. Парадоксальность является чрезвычайно распространенным качеством, присущим жанру загадки. Парадоксальность, как правило, характеризуется неожиданностью, непривычностью, противоречивостью себе, исходным посылкам, общепринятому традиционному взгляду или здравому смыслу по форме или по содержанию. В жанре загадки парадокс выполняет роль так называемого интенсификатора; будучи элементом энигматического текста, он является носителем весомой информации для реципиента.

Как правило, выделяют две разновидности парадокса: прагматический парадокс и семантический. Прагматический парадокс описывает явления, противоречащие здравому смыслу, которые ни при каких обстоятельствах не могли бы произойти в действительности, однако противоречивость снимается с нахождением отгадки: *"Крылья орловы, / Хобота слоновы, / Груды конинные, / Ноги львиные, / Голос медный, / Носы железны; / Мы их бить, / А они – нашу кровь пить" (комары); "Три тулова, / Три головы, / Восемь ног, / Железный хвост" (соха с бороною); "What's this that's got a heart in his head?" (cabbage); "A man with two heads, no foot, no hand, / Yet he stands up but on one of his head" (barrel)*.

Семантический парадокс дает понять, что указанный образ не может характеризоваться теми или иными качествами и для разгадки необходимо найти такой предмет, который будет обладать приведенными свойствами. Семантический парадокс в загадке чаще всего построен на негаторах, словах, которые показывают отсутствие логически необходимых частей предмета (явления) или отрицают сам предмет – носителя

признака: "Стоит дуб без корня, без ветвей, / Сидит на нем птица вран; / Пришел к нему старик без ног, / Снял его без рук, / Заколол без ножа, / Сварил без огня, / Съел без зубов" (мороз); "Без огня горит, / Без крыльев летит, / Без ног бежит, / Без ран болит" (солнце, туча, река, сердце); "A wee man legless / Came to the door staffless, / And said: "Good wife, / Keep in your hens and ducks, / And for your dog I care not" (worm); "What is it that flies high and flies low, but hasn't got any wings" (dust).

Помимо этих двух разновидностей мы предлагаем добавить в представленную классификацию парадоксов в тексте загадки еще и "абсолютный" парадокс, характеризующийся наличием острой формы противоречия: "Сидит кошка на окошке, – / И хвост как у кошки, / А все не кошка" (кот); "Хожу на голове, / Хотя и на ногах; / Хожу я босиком, Хотя и в сапогах" – (звездь в сапоге); "If he comes, he no comes, / If he no comes, he comes" (corn and crow); "High as a house, / Low as a mouse, / Bitter as gall, / And sweet, after all" (walnut).

Таким образом, можно выделить три основополагающих критерия, порождающих лингвистический абсурд в тексте загадки, а именно: парадокс в трех своих проявлениях (абсолютном, прагматическом и семантическом); окказиональные и потенциальные конструкции, а также семантически ненагруженные лексемы. Рассмотрев в наиболее общем виде предлагаемые нами критерии, порождающие лингвистический абсурд в русском и английском энigmatическом тексте, мы хотели бы подчеркнуть, что они были сфор-

мулированы с учетом особенностей текста загадки и не являются эталоном, применимым к другим видам словесных произведений.

1. Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. А.А.Грицанов. – М.: АСТ, МН.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
2. Кравченко О.В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2. – 2008. – №17. – С.58-63.
3. Новикова В.Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар: КубГУ, 2001. – 17 с.
4. Кравец А.С. Абсурд как нарушение смысла // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2002. – №2. – С.133-176.
5. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой "картины мира") // Вопр. языкозн. – 1987. – №3. – С.3-19.
6. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С.34-58.
7. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С.194-203.
8. Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач / Вступ. ст. и примеч. В.Аникина. – М.: ТЕРРА, 1996. – 335 с.
9. Archer T. English Riddles from Oral Tradition. – England: Cambridge University Press, 1951. – 959 p.

ABSURD AS AN ALOGOUS LINGUISTIC SUBSTANCE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH ENIGMATIC TEXT

N.G.Titova

The article is devoted to the problem of definition of the phenomenon of absurd, the delineation of its distinctive features and spheres of its manifestation. In this article we speculate upon the language mechanisms of representation of the linguistic absurd in the texts of Russian and English riddles.

Key words: absurd, linguistic absurd, riddle, paradox, nonce constructions.

Титова Надежда Георгиевна – ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: ng.titova@mail.ru